

А.П. Соловьев

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ АРХИЕПИСКОПА НИКАНОРА (БРОВКОВИЧА; 1826–1890) И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена выявлению тех истоков философской системы архиеп. Никанора (Бровковича; 1826–1890), которые связаны с деятельностью преподавателей Санкт-Петербургской духовной академии середины XIX века. Проводится сравнительный анализ его философских идей и трудов таких профессоров академии, как В.Н. Карпов, Д.И. Ростиславов, А.А. Фишер. Определяется значение ректора академии еп. Макария (Булгакова) в философской биографии владыки Никанора. Также затрагиваются вопросы о его отношении и оценках академии в разные периоды его пребывания там. Наибольшее влияние на философские воззрения архиеп. Никанора оказал как христианский платонизм Карпова, так и математика Ростиславова. Важнейшим критерием оценки деятельности духовной академии для архиерея-философа являлись не только научные достижения, но и успехи в воспитании ученого монашества, церковная дисциплина преподавателей и учащихся.

Ключевые слова: Никанор (Бровкович), русская религиозная философия, русская духовно-академическая философия, Макарий (Булгаков), В.Н. Карпов, А.А. Фишер, Д.И. Ростиславов, эйдос, абсолютное бытие, метафизика

1. Общая характеристика отношения архиеп. Никанора (Бровковича) к Петербургской духовной академии и начало учебы

В 1856 году, спустя почти пятнадцать лет учебы и преподавания, тридцатилетний архимандрит Никанор (Бровкович) покидал стены Санкт-Петербургской духовной академии. С этого момента он ректор Рижской семинарии. Никогда более он не будет преподавать в Петербурге. Он будет ректором семинарий в Риге (1856–1858), Саратове (1858–1864), Витебске (1865–1868), ректором Казанской духовной академии (1868–1871). Уже в сане епископа владыка Никанор будет издавать в Петербурге в 1875, 1876 и 1888 годах три тома своего главного философского трактата «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», построенного на восприятии того христианского

Арте́м Па́влович Соловьёв — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления (г. Уфа) (artstudium@yandex.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Философия архиепископа Никанора (Бровковича) в контексте истории русской мысли XIX–XX веков»), проект № 12-03-00033а.

платонизма, который пронизывал систему преподавания философии в Петербургской духовной академии. Но вот после 1856 года в академию он будет приезжать уже только как гость. Он вынужденный гость в 1864–1865 годах, когда, будучи под надзором III Отделения, подозреваемый в сочувствии старообрядчеству, вызван на «череду служения» в Александро-Невскую Лавру. Он чествуемый гость в 1871 году, когда там же, в Лавре, его рукополагают во епископа Аксайского, Донского викария. Он почетный гость в 1887 году, когда уже будучи архиепископом Херсонским и Одесским и членом Синода, случайно встречается со своим учеником по Казанской духовной академии — еп. Антонием (Вадковским), бывшим в то время ректором Петербургской академии.

А впервые Александр Бровкович (таково было мирское имя будущего владыки Никанора) соприкоснулся с академией в 1842 году, будучи переведен из Могилевской семинарии в образцовую Санкт-Петербургскую как один из лучших учеников. И этот перевод — не вполне обычное событие. 14 февраля 1842 года для «развития православно-русского элемента в западном крае» Синодом был издан указ «об отправлении в с.-петербургскую семинарию, образцовую, для продолжения учения отличнейших учеников из западных епархий (волын., подол., киевск., полоцк., могил., минск., литовск.), с предоставлением для них постоянно 14 казеннокоштных мест... откуда они, возвращаясь потом на родину, приносили бы с собою пример возможно-лучшего духовного образования»¹. Саша Бровкович оказался одним из 60 учащихся семинарии², попавшим в нее таким образом. При этом одним из первых шестидесяти. И закончил семинарию он лучшим учеником курса: путь в академию был неизбежен. Так начинался ученый путь будущего философа-архиерея.

Именно философия стала тем научным стержнем, который был водружен владыкой Никанором рядом с искренней верой. И если искренняя вера — это то, что дали ему Господь, семья, детство в архиерейском хоре и могилевская семинария, то семинария и академия в Петербурге сформировали второй, научно-философский, стержень. И акцент стоит сделать именно на том, что этот стержень — философский. Так в своей «Автобиографической записке» в 1888 году владыка Никанор писал: «Еще в С.-Петербургской семинарии и дальше в С.-Петербургской академии студентом мечтал со временем написать *Свод религиозно-философских идей*, думая согласить философию с православной религией»³.

¹Цит. по: *Надеждин А.Н.* История Санкт-Петербургской духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб., 1885. С. 507.

²Там же. С. 508.

³*Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Одесса, 1900. Т. I. С. 253.

Во многом такая установка сформировалась благодаря тем, с кем довелось ему встретиться во время учебы в Петербурге. Сам владыка Никанор писал: «Да, моим идеалом наставника всегда был инспектор С.-Петербургской семинарии Александр Иванович Мишин, впоследствии и профессор каноники в Академии. В семинарии он читал нам логику и психологию, вообще философию. Читал мальчикам самые тяжелые предметы и, следуя своему сократическому методу, достигал недостижимого для других влияния на слушателей. Он имел наибольшее влияние на развитие моего смысла»⁴.

Среди тех, кто также повлиял на формирование личности архиеп. Никанора были: ректор академии еп. Макарий (Булгаков) (1806–1883; ректор с 1850 по 1857 гг.), переводчик Платона Василий Николаевич Карпов (1798–1867) — преподаватель истории философии, Дмитрий Иванович Ростиславов (1809–1877) — замечательный преподаватель математики и критик отечественной системы духовного образования, Адам Андреевич Фишер (1799–1861) — профессор философии, знакомивший слушателей Академии с И. Кантом. Рассмотрению отношений архиепископа Никанора к идейному наследию своих учителей, упомянутых выше, будут посвящены специальные разделы данной статьи. Но, конечно же, кроме тех, кто указан выше, были и еще преподаватели. Однако они имели меньше влияния на будущего архиерея-философа.

Так «изящную словесность» читал Кирилл Иванович Лучицкий (1815–1886) — профессор, позже — инспектор академии, автор многочисленных статей по нравственно-богословской тематике в «Христианском чтении». Владыка Никанор отмечал, что Лучицкий: «...читал не иначе, как по тетради. Мы скоро перестали следить за ним. Слушали только, когда он читал и разбирал примеры, очень остро и едко»⁵. Каноническое право читал величайший специалист в своей области — инспектор академии — архим. Иоанн (Соколов) (1818–1869). Позже, в 1864–1866 гг. он был и ректором Петербургской академии, а между 1857 и 1864 гг. — ректором Казанской академии, одним из предшественников архиеп. Никанора. Относительно преподавания о. Иоанна архиеп. Никанор вспоминал: «...почти всегда сидел на кафедре, читал по тетрадке, изложение напряженно отвлеченное и туманное; изредка ходил по классу, когда спрашивал студентов. Ясно было, что толк острый; в возражениях студентам бывал резок и меток. Но вообще следить за ним было трудно, и особенного влияния на студентов в мою пору он не имел. Впоследствии он переработал свою систему, дав ей вме-

---

⁴Там же. С. 256.

⁵Там же. С. 255.

сто теоретической историческую постановку. И наши преемники студенты были от него в восторге»⁶.

Практически не имел влияния на студентов преподаватель пастырского богословия иеромонах Кирилл (Наумов) (1823–1866) — в будущем епископ Мелитопольский, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме. Мало повлиял и профессор словесности Дмитрий Федорович Вознесенский (1808–1852). Несколько интереснее, хотя и не без недостатков, с точки зрения архиеп. Никанора, преподавали Василий Иванович Долоцкий (1814–1885) и Моисей Александрович Голубев (1824–1869): «...В.И. Долоцкий читал свою литургику всегда по тетрадке, всегда из курса в курс одно и то же, читал отдельно по слову, ясно, просто и логично, и с знанием дела. Этого просто было и слушать, и понимать. Работящий и умный был бакалавр Священного Писания Моисей Александрович Голубев. Но гнусил, не ясно выговаривая слова, всегда ходя по классу всегда держа перед носом тетрадку. Следить за ним было тяжело»⁷.

Среди тех, с кем довелось столкнуться будущему архиерею-философу в стенах академии, был и ректор ее — епископ Евсевий (Орлинский). Однако его имя практически не упоминается архиеп. Никанором в воспоминаниях. И это показательное умолчание лишь подтверждает характеристику, которая была дана преосвященному Евсевию Н.Н. Глубоковским: «Евсевий (Орлинский) оставил по себе добрую память мудрого и благородного архипастыря, но для С.-Петербургской духовной академии, в которой состоял ректором и профессором, он явился чужим и, кажется, жил и покинул ее несколько чуждым»⁸.

Имея в виду эти характеристики, теперь можно обратиться к рассмотрению истоков воззрений владыки Никанора в жизни и трудах тех его преподавателей, которых действительно можно назвать его наставниками и учителями. И в первую очередь это относится к Василию Николаевичу Карпову — философу, чье имя неразрывно связано в отечественной интеллектуальной традиции с именем Платона.

---

⁶ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические материалы. Одесса, 1900. Т. I. С. 256.

⁷ Там же.

⁸ *Глубоковский Н.Н.* Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, бывший ректор (1847–1850 гг.) С.-Петербургской духовной академии // *Христианское чтение.* 1909. № 10. С. 1332.

2. В.Н. Карпов как учитель архиепископа Никанора

Идейно архиеп. Никанор, конечно же, связан с христианским платонизмом и русским духовно-академическим теизмом, которые он усваивает в Петербургской семинарии и академии. Его преподавателями был А.М. Мишин, А.А. Фишер, В.Н. Карпов. Отношение архиеп. Никанора к переводчику диалогов Платона В.Н. Карпову было неоднозначно, но платоническая линия в воззрениях владыки прослеживается достаточно четко. Этой линией он оказывается близок к В.С. Соловьеву и В.Д. Кудрявцеву-Платонову. Но при этом, в отличие, например, от Соловьева, платонизм архиеп. Никанора предполагает учение о творении мира Богом из «ничто», и, как следствие, различение тварного и нетварного бытия.

В этом аспекте архиеп. Никанор оказывается идейно ближе к В.Д. Кудрявцеву-Платонову, чем к В.С. Соловьеву. В.В. Зеньковский вообще считал, что идеи архиеп. Никанора ближе к учению о. Ф.А. Голубинского, чем к философии П.Д. Юркевича и В.Н. Карпова. Однако в его «Позитивной философии» можно найти ссылки именно на П.Д. Юркевича и на В.Н. Карпова (а кроме того, и на Н.Н. Страхова). Прот. Ф. Голубинского он упоминает только мельком в своих воспоминаниях за 1884 год в связи с кандидатурой В.Д. Кудрявцева-Платонова для подготовки учебника по философии для семинарий⁹. Сближение воззрений владыки Никанора с московской духовно-академической философской школой кажется спорным. Правильнее будет утверждать, что он связан в большей степени с киевской духовно-академической философией: выпускниками Киевской духовной академии были Карпов, преподававший потом в СПбДА, и П.Д. Юркевич, учитель В.С. Соловьева, исследователь философии Платона и Канта, автор множества статей, среди которых особо надо выделить противоматериалистическую критическую статью «Из наук о человеческом духе» (1860), на которую архиеп. Никанор ссылается в своём трактате¹⁰.

О влиянии Карпова писал в 1901 году и один из первых исследователей философии архиеп. Никанора — А.А. Никольский: «Свою философию проф. Карпов называл синтетическою. С полным правом это название мы можем усвоить и философии Преосвященного Никанора. Карпов был большой почитатель Платона: он перевел его на русский язык и в своих философских воззрениях»

---

⁹ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Киевский собор 1884 года // Воспоминания архиеп. Никанора. М., 1908. С. 73.

¹⁰ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1876. Т. 2. С. 186–192.

ях во многом склонялся к нему. Эту любовь к великому идеалисту древности и склонность к проникновению его философскими воззрениями заимствовал от своего учителя и Преосвященный Никанор; он сам говорит..., что свои εἶδος-ы он старался списывать с идеологии Платона. Наконец даже многие частные черты философии Преосвященного Никанора (напр. объединяющее значение идей, учение о разуме сознательном и бессознательном) во многом навеяны на Преосвященного Никанора его учителем Карповым»¹¹. И если представляется возможным усомниться, что различие сознательного и бессознательно-го разума у архиеп. Никанора от Карпова (поскольку это различие он берет непосредственно у А. Шопенгауэра и Э. Гартмана), то во всем остальном Никольский совершенно прав.

Как уже говорилось выше, отношение архиеп. Никанора к Карпову нельзя назвать однозначным. Известно, что в своих «Биографических матерьялах» владыка Никанор, вспоминая о своем разговоре 1858 года со свт. Филаретом (Дроздовым), привёл следующие слова святителя: «Карпов — самоучка в философии <...> Он в ней никогда ничего ясно не понимал»¹². Критически настроенный молодой архимандрит Никанор тогда согласился: «Мы его не понимали; студенты давно перестали ему сочувствовать; было время, когда студенты его ценили, но теперь он устарел...»¹³. При этом данный отрывок воспоминаний, посвященный обсуждению Карпова, архиеп. Никанор начинает словами: «Досталось бедным Карпову и <...>»¹⁴, — такая оценка постфактум означает все же, что отношение к Карпову было высказано арх. Никанором в духе того настроения, который был придан беседе самим свт. Филаретом¹⁵.

Об особенностях преподавания Карпова владыка Никанор писал еще раз в 1888 году в своей «Автобиографической записке», уже несколько изменив резкость критики: «...Василий Николаевич Карпов говорил только с самого начала, до Платона, и мы его понимали. С Платона стал только читать, и мы его

---

¹¹ *Никольский А.А.* Философские воззрения Преосвященного Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского // *Вера и разум.* 1901. №16. С. 114–115.

¹² *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Т. I. С. 308.

¹³ Там же. С. 308.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Такого же мнения относительно того, что истоком критического высказывания архиеп. Никанора о Карпове была тональность, заданная митр. Филаретом, придерживается и проф. Гаврюшин в своем обзорном очерке «Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович)» (*Гаврюшин Н.К.* Русское богословие. Очерки и портреты. Н. Новгород, 2011. С. 265).

перестали не только понимать, но и слушать»¹⁶. То есть все-таки как преподаватель античной философии и как человек, досконально знавший диалоги Платона, Карпов был ценим слушателями.

Беседа свт. Филарета с архим. Никанором не должна вводить нас в заблуждение. Четким показателем действительного отношения архиеп. Никанора к Карпову является то, что во втором томе «Позитивной философии», при рассмотрении вопросов о реальности «идеи» и об отличии «идеи» от «рассудочного понятия», в первую очередь автор обращается за поддержкой именно к Карпову¹⁷. Архиерей-философ делает акцент на том, что Карпов в своей «Логике» приходит к выводу, что «благороднейшие идеи ума, прежде чем входят в сознание, должны не иначе, как только постепенно и иногда через долгое время высвободиться из массы свойств внешних и случайных и, развиваясь в форме суждений, переводить их, по степеням, от проблематических к аподиктическим; между тем, как надлежало бы им с первого раза выражаться этими последними, если бы духовная наша жизнь не была подавляема чувственностью и всегда владычествовала над материею. С этой точки видно, что такие понятия врожденные. Это суть идеи ума, создаваемые рассудком, в форме понятий необходимых, выражающихся аподиктическими суждениями»¹⁸.

Имея в виду этот вывод Карпова, владыка Никанор пишет: «Сколько мы понимаем эту теорию, исходная точка ее заключается в аналогии между чувствами, внешним и внутренним, между чувственным восприятием и идеальным созерцанием, между воззрением чувственным (intuitio) и умозрением (theoria), между чувством (sensus) и умом (noos, ratio), между органами чувств низшего уровня и идеею (eidos) — чувственным органом ума. В Логике Карпова эта аналогия принимается за принципиальный вывод психологического опыта»¹⁹. Далее архиеп. Никанор отмечает как высокие достоинства гносеологической концепции В.Н. Карпова, так и подтверждение карповской гносеологической «аналогии чувственности и разума» эмпирическими исследованиями Клода-Бернара²⁰.

Сама терминология гносеологической концепции архиеп. Никанора сформировалась, несомненно, благодаря Карпову. Так владыка Никанор в первом томе своего философского трактата выделяет «внутреннее чувство», отли-

---

¹⁶Никанор (Бровкович), архиеп. Биографические материалы. Т. I. С. 255.

¹⁷Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия... 1876. Т. II. С. 201–207.

¹⁸Там же. С. 207.

¹⁹Там же.

²⁰Там же. С. 208–213.

чая его от «внешнего», причем это чувство архиерей делит на «низшее внутреннее — физиологическое чувство» (самочувствие организма) и «высшее внутреннее — душевное чувство» (чувство прекрасного, доброго, совести, осознания истины)²¹. Почти то же мы видим в курсе Карпова по психологии. Во «Вступительной лекции в психологию» он использует понятие «внешнего» и «внутреннего опыта»: «Как перед внешним опытом постепенно раскрывается многообразное богатство мира физического, так пред внутренним мало-помалу обозначаются и оттеняются, выступают и просветляются бесчисленные явления мира нравственного, — и человек с изумлением видит пред собою неизмеримое поприще самопознания»²². Выше Карпов отмечает, что внешний опыт дается «внешним чувством»²³. Здесь — полное совпадение гносеологической терминологии Карпова и архиеп. Никанора.

Наиболее важной идеей из тех, что были восприняты владыкой Никанором у него, оказывается идея самопознания, определяющая всю философию Карпова. Даже предмет философии Карпов определяет через понятие самопознания: «...самопознание и исследование всего в целом, как одного бытия, полного разнообразной жизни и деятельности, то есть исследование мира метафизического, поколику он является сверхчувственным и мыслимым — вот существенные моменты ее (т.е. философии — А.С.) содержания!»²⁴ Это положение у профессора-платоника проистекает из платонического же восприятия процесса познания как анамнезиса — припоминания того, что уже заложено в душе человека, «врожденных идей» в платоновском их понимании, и из трансценденталистской установки, критически воспринятой им от Канта и Фихте²⁵.

Самого же человека, согласно Карпову, можно назвать микрокосмосом: «...в нем (в человеке — А.С.) можно найти залогом всякого бытия, подслушать гармонию жизни, развитой в целой вселенной, и созерцать таинственные символы связей, соединяющих все мироздание»²⁶. Здесь становится возможным обнаружить близость к этой мысли Карпова следующего рассуждения архиеп. Никанора об отношении человека и мира: «Как душа есть душа человеческого тела, так человек, разумное существо, есть в известном относительном смысле душа

²¹ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Позитивная философия... 1875. Т. I. С. 13–14.

²² *Карпов В.Н.* Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. 1868. Т. 2. С. 190–191.

²³ Там же. С. 189.

²⁴ *Карпов В.Н.* Введение в философию. СПб., 1840. С. 32.

²⁵ Там же. С. 132–133.

²⁶ *Карпов В.Н.* Вступительная лекция в психологию... С. 211.

мира, и мир есть тело человека, тесно органически связанная с ним его оболочка. Как всякий предмет природы есть продукт взаимодействия всех сил природы, — так еще тем более *человек: человек есть центральный фокус отражения всех сил природы*. Как самосознание нашего Я есть центральный фокус всех чувств, всех изменений сознания, так и человеческое разумное сознание — есть самоощущение мира. <...> ...*Мое Я есть центральный фокус мирозерцания: Я созерцаю мир в самом себе*²⁷.

Справедливости ради следует отметить, что философская антропология оказалась слабо разработана архиеп. Никанором в его системе, тогда как Карпов ставит учение о человеке в центр всей философской проблематики. Однако кажется возможным говорить, что там, где архиерей-философ пишет о человеке как самосознании мира, он следует именно Карпову, а они вместе — Платону и, в некоторой степени, — Канту.

Завершая попытку сопоставить отдельные философские воззрения Карпова и архиеп. Никанора, нельзя не рассмотреть соотношение интерпретаций понятия «идея» у этих двух мыслителей. Без всякого сомнения «идея», «эйдос» — наиважнейшее понятие платонической философии. Переводчик и комментатор Платона Карпов активно использовал данный термин и определял его следующим образом: «Идея вообще есть взгляд... на какой-нибудь предмет. <...> ...Он имеет дело с целостью неделимых в какой-нибудь сфере природы или известного предмета, следовательно, должен проявляться не иначе, как в мысли и свободно. Чтобы правильно понять значение идеи, надобно представить себе стремление ума видеть целое или род — непосредственно, независимо от условий его проявления, и притом *ipso intuitu* — полнее, нежели как мы видим вещь, подлежащую чувствам; потому что для чувства доступна только одна сторона предмета, а ум хочет созерцать его вдруг, как одно, не останавливаясь ни на каких сторонах, ни на каких отдельностях»²⁸.

«Идея» у владыки Никанора — это и сущность, и духовный атом, способный соединяться с другими эйдосами. Причем «эйдос», «идея» — это ограниченная форма объективной реальности в отличие от абсолютного бытия (которое преосвященный Никанор отождествлял не с Богом, но, скорее, с Его творческой силой). Архиеп. Никанор пишет об «эйдосе» так: «В тоже время, в каждый момент мышления об известном виде или роде объектов, мы сравниваем как самое логическое понятие об объекте, так и это образное фантастическое

---

²⁷ Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия... Т. I. С. 69.

²⁸ Карпов В.Н. Введение в философию. С. 35–36.

представление понятия или объекта с другим, присущим нашей душе, внутренним представлением объекта, и усматриваем, что и то, и другое, — и логическое понятие, и образное представление объекта, — бесконечно далеко отстоят от этого последнего внутреннейшего представления. *Оно-то и есть Платоновская идея, сущность вида, или рода.* <...> Идея, сущность вида или рода, реальна точно так же, как идея, сущность и всякого индивидуального предмета»²⁹. Еще одно определение эйдоса у архиеп. Никанора выглядит так: эйдос представляет собой «определенную форму проявления, известным образом действующую силу, особое единство неисчислимого множества, своеобразное единое, цельное ограничение беспредельности»³⁰.

Сходство в определениях «эйдоса» у владыки Никанора и Карпова несомненно. Но следует отметить, что у Карпова это понятие, по сути, не разработано и не работает. Он не затрагивает вопрос о структуре «идеи», тогда как архиеп. Никанор выделяет два слоя «эйдоса» — «элементарный» (всеобщий, абсолютный, универсальный) и «индивидуальный». Карпов не ставит вопроса о сотворении «эйдосов», но этот момент оказывается основополагающим для владыки Никанора. То же касается вопроса о соотношении понятий «сила», «материя» и «идея», который наряду с другими подробно проанализирован у архиеп. Никанора, но остается совершенно не затронутым у Карпова.

Несмотря на такие расхождения, вполне справедливым будет утверждение о том, что владыка Никанор находился под значительным влиянием платонической философской традиции, воспринятой им именно от своего преподавателя истории философии проф. Карпова. Архиерей-философ лишь изменил акценты, уделяя больше внимание онтологической проблематике, разрабатывая проблему «идеи» как субстанции и оставляя в стороне проблему «самопознания» — центральную тему своего учителя.

3. Профессор СПбДА Ростиславов как учитель архиеп. Никанора

Дмитрий Иванович Ростиславов — выпускник (1833), а затем и профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Преподавал физику, математику и всеобщую историю. Одновременно с 1834 по 1846 год был экономом академии. В 1852 году вышел в отставку по болезни. После выздоровления с 1858 по 1866 год читал курс естественных наук в Рязанской семинарии. С 1859 года и до своей кончины по поручению Синода занимался вопросами анализа организации обучения и быта в духовных учебных заведениях, организации мона-

²⁹ Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия... Т. II. С. 267.

³⁰ Там же. С. 118.

стырского хозяйства. Основные труды Ростиславова: «Начальная алгебра» (М., 1868), «Об устройстве духовных училищ в России» (в 2-х т. Лейпциг, 1863), «Черное и белое духовенство в России» (Лейпциг, 1866), «Опыт исследования об имуществах в доходах наших монастырей» (СПб., 1872), «Записки» (печатались в «Русской старине» и «Вестнике Европы»).

Владыка Никанор в своих воспоминаниях оценивал Ростиславова положительно, как образцового педагога: «Слушали, да и нельзя было не слушать, одного только профессора математики и физики Д.И. Ростиславова, который в кафедре никогда не сидел, лекций в класс не приносил, ничего продолжительно не читал, а постоянно обращался к сознанию студентов. Спрашивая студентов, никогда никакой очереди не держал, так что о нем студенты говорили: «он бессовестный; на его совесть положиться нельзя; рассчитать никак нельзя, он и сегодня спросит, и завтра спросит, и послезавтра спросит.» Это было настоящее плодотворное преподавание. У него и неучащихся студентов не было, хотя некоторые прибыли в Академию, не имея никаких познаний в математике. Учились волею-неволею. Поставит, бывало, нѣуча у доски, да и допытывается...»³¹

Архиерей-философ использовал преподаваемые Ростиславовым знания и в своих трудах. Так, показывая математический аспект соотношения бесконечности и нуля во втором томе своего трактата «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», владыка Никанор ссылается именно на учебник Ростиславова «Начальная алгебра». Здесь надо вспомнить, что «эйдос», по архиеп. Никанору, сотворенная множественная субстанция, субстанциальный деятель, который оказывается результатом творческого самоограничения абсолютного бытия абсолютным небытием. Как конкретное ограниченное бытие «идея-эйдос» есть произведение абсолютного бесконечного и абсолютного ничто ($1=0 \times \infty$)³². Для разъяснения этого математического выражения владыка Никанор и обращается к учебнику Ростиславова.

В §152 своей «Начальной алгебры» Ростиславов пишет: «...разделяя постепенно 30 на 30, 15, 10, 6, 5, 3; 2, 1, 1/2, 1/3, 1/10, 1/100, 1/1000, 1/10000 и пр. мы получим частные количества: 1, 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 60, 90, 300, 3000, 30000, 300000 и т.д. Легко можно видеть, что, с уменьшением делителя, частное количество постоянно увеличивается... Поэтому, если взять делителем необыкновенно малое количество, т.е. чрезвычайно малую дробь в сравнении с единицей, так сказать близкую к нулю, то мы должны получить необыкновенно большое

---

³¹ Никанор (Бровкович), архиеп. Биографические матерьялы. Т. I. С. 255.

³² Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия... Т. II. С. 81.

частное количество, которое как бы приближается к бесконечной величине. Отсюда уже можно понять, почему количества, деленные на нуль называются *бесконечными*, или, лучше, почему бесконечные количества выражаются дробью, в которой числителем может быть какое угодно количество, а знаменателем нуль. Самое же бесконечное количество имеет знаком ∞ . Т.е. формула $m/0=\infty$ *выражает бесконечное количество*³³.

Вывод, который делает на основе этого утверждения архиеп. Никанор, следующий: «Отсюда открывается что 1) атом, величину дальше неделимую, или бесконечно малую, или нуль, мы можем получить только тогда, когда и если разделим какую бы то ни было данную величину, или единицу, на бесконечность, на бесконечное великое число частей; почему 2) атом, величина бесконечно малая и далее неделимая, или нуль, есть всякая данная единица, или всякая ограниченная величина, разделенная не иначе, как на бесконечное число частей, — и обратно, 3) всякая данная определенная величина, или единица, есть, в существе своем, величина бесконечная, умноженная на величину бесконечно малую, или на атом, или на нуль; иначе сказать, — всякое ограниченное бытие есть беспредельность, ограниченная небытием, или ничтожеством; иначе сказать: ограниченное бытие есть бытие беспредельное, ограниченное небытием»³⁴.

Далее архиерей-философ пишет, что если мы, вслед за материалистами принимаем некую уже окончательно неделимую частицу — атом — за основу бытия, то чисто математически неделим только ноль. То есть, по сути, такой материальной частицы как метафизической основы бытия существовать не может. Однако архиеп. Никанор признает существование «физико-химического атома», который не есть атом «метафизический», и не может быть понят как сущность всякого ограниченного бытия. Выясняя же, что является такой сущностью архиерей-философ приходит к пониманию «физико-химического» атома как ограниченной «силы», которая есть закон, субстанция, монада или «эйдос» конкретного явления.

Если отвлечься от того содержательного математического момента, который архиеп. Никанор берет у Ростиславова, надо обратить внимание на то, что учебник по алгебре выходит в 1868 году. В этом году, еще будучи в сане архимандрита, о. Никанор назначается ректором Казанской духовной академии. Прошло около двадцати лет с тех пор, как он последний раз слушал Ростиславова. Однако, несмотря на этот срок, он при написании цитированного выше тек-

---

³³ Ростиславов Д.И. Начальная алгебра. М., 1868. С. 112–113.

³⁴ Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия... Т. II. С. 27.

ста в 1873 году обращается к учебнику именно этого профессора. В оставшейся части личного архива владыки Никанора в деле № 51 на листе 75–75 об. можно увидеть автограф той части рукописи второго тома трактата «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», где архиерей делает математические выкладки, приведенные выше. Эта запись в черновике находится между двумя датами: 3 февраля 1873 г.³⁵ и 9 февраля того же года³⁶. То есть спустя почти четверть века владыка Никанор обращается к тем знаниям, которые были ему преподаны в академии проф. Ростиславовым. Это — несомненное признание значения учителя учеником.

Но не все было гладко в их заочных личных отношениях. В 1872 году еп. Никанор в Новочеркасске в ответ на статью Ростиславова «Петербургская духовная академия до графа Протасова» (Вестник Европы. 1872. Кн. 4, 5) пишет апологетическую заметку «Архиепископы Иоанн Доброзраков и Смарагд Крыжановский», где называет текст Ростиславова клеветой и «букетом злословия»³⁷. Следует, правда, обратить внимание на то, что статья Ростиславова была подписана инициалами «Р. С.», и, скорее всего, владыка Никанор не знал, чья это «клевета». Думается, что, если бы это было известно архиерею, он бы не стал год спустя — в 1873 г. — ссылаться на учебник алгебры, написанный автором «клеветы».

4. А.А. Фишер как учитель архиепископа Никанора

С немецкой гносеологией будущего архиеп. Никанора в академии знакомил Адам Андреевич Фишер (1799–1861), профессор философии и педагогики в Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургской духовной академии и Главном педагогическом институте. А.А. Фишер получил образование в иезуитском лицее и Венском университете; приехав в Россию, он стал известен министру просвещения графу Уварову.

А.А. Фишер — автор статей по философии, напечатанных в «Журнале Министерства народного просвещения» и отдельными оттисками за 1835–1845 годы: «О новейшем естественном праве», «Введение в опытную психологию», «Взгляд на психологическую теорию чувственного восприятия», «О сущности философии» и др. Отдельно изданы им «Начертание логики» и учебник немецкого языка для средних учебных заведений. Как директор Ларинской гимна-

---

³⁵ Архивный фонд архиепископа Никанора (Бровковича). Государственный архив Одесской области. Ф. 196. Оп. 1. Д. 51. Л. 49.

³⁶ Там же. Л. 97.

³⁷ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Т. I. С. 200.

зии (1835–1861), он имел репутацию весьма опытного педагога. Он перевел на немецкий язык катехизис митрополита Филарета. Фишер был основателем кафедры педагогики в Санкт-Петербургском университете (ныне кафедра педагогики и педагогической психологии факультета психологии). Известна его речь, произнесенная на торжественном собрании Санкт-Петербургского университета 20 сентября 1834 года «О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нём философия». Речь составлена совершенно в духе Просвещения и идеи просвещенной монархии.

Именно через Фишера состоялось знакомство будущего архиепископа с воззрениями Канта, на что сам архипастырь указывает в своих воспоминаниях: «В Академии же мы все-таки слушали философию Адама Андреевича Фишера, который, как немец, хотя и крайне осмотрительный, усиливался познакомиться нас с критикой Канта доказательств бытия Божия»³⁸. С другой стороны, именно Кант «мучил» архиеп. Никанора всю жизнь. В своих воспоминаниях архиерей-философ писал о том, что, будучи бакалавром Санкт-Петербургской духовной академии, на лекциях он рассказывал о критике доказательств бытия Божия у Канта. Это привело к тому, что молодого преподавателя-монаха обвинили в том, что на лекциях он занимается опровержением бытия Божия. Но его-то цель заключалась в опровержении самого Канта. Именно эта критика была реализована им, но только к 1888 году, когда был опубликован 3-й том его «Позитивной философии».

Возвращаясь к Фишеру, можно предположить, что такие его работы, как «Введение в опытную психологию» и «Взгляд на психологическую теорию чувственного восприятия» повлияли на понимание архиеп. Никанором души и психологии чувственного восприятия. В статье «Взгляд на психологическую теорию чувственного восприятия» Фишера мы читаем: «Посредством органической жизненной деятельности тела, в особенности же посредством деятельности нервов, дух наш находится в непосредственной, хотя и необъяснимой связи с телом; связь эта выражается жизненным или общим чувством, в следствие которого мы тело чувствуем принадлежащим нашей индивидуальности и все жизненные его состояния усваиваем себе. Только посредством этого общего чувства производится в нас всякое ощущение всего совершенно нам внешнего»³⁹. Эта идея, имеющая связь с интроспективной психологией, несомненно, была воспринята в гносеологической концепции архиеп. Никанора, который писал об обна-

---

³⁸ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Т. I. С. 259.

³⁹ *Фишер А.А.* Взгляд на психологическую теорию чувственного восприятия. СПб., 1840. С. 30.

ружении внешних предметов как состояний собственного организма, интеллекта, совести, чувства прекрасного. Также владыка Никанор определяет сознание, совесть и эстетическое чувство как виды внутреннего душевного чувства, как единое целое в разных аспектах. Этот момент, по всей видимости, имеет своим идейным истоком и гносеологические воззрения Фишера.

5. Бакалавр академии иеромонах Никанор и ректор епископ Макарий

В 1850 году, слушатель Академии Александр Бровкович принимает монашеский постриг с именем Никанор. Брат владыки Никанора — Илья Иванович Бровкович, служащий гражданского суда — в своих воспоминаниях о решении старшего брата стать монахом писал, что еще в 1846 году их отец «как громом сражен был ответом сына о том, что он избирает монашество <...> Много раз <отец> возвращался к одному и тому же разговору и настойчиво внушал сыну оставить «эту мысль», забыть ее до более зрелого возраста»⁴⁰.

Сам же владыка Никанор так писал о своем решении и о принятии монашества 20-летними юношами-академистами: «Отчего идут в монашество наши? Идут часто от сиротства: так все четыре студента XIX курса, принявшие монашество в Академии, все были сиротами, имели матерей, сирот-братьев и сестер и приняли монашество между прочим, чтобы поддержать в жизни своих присных. Идут в монашество от замкнутости в детстве... вследствие отдаленности от родства <...> Идут от того, что с раннего детства наслушались от дедов и бабушек псалм и поэтически легендарных сказаний о святом граде Иерусалиме или Киеве, о подвижнических пещерах, о пустынях и отшельниках, о чернецах и черницах; оттого, что с раннего же детства по несколько раз прочитали весь круг Четий-Миней, патериков и других подвижнических сказаний и прочитали как дети, которым принадлежит царствие небесное, не мудрствуя лукаво, свято веруя каждому прочитанному церковному слову, соревнуя славе святых, ревнуя о спасении собственной души, мечтая о подвижничестве где-либо в глухой пустыне, на тихом берегу реки или ручья, в удалении от мира, в содружестве с медведями, в одинокой борьбе с темными силами»⁴¹.

---

⁴⁰ *Бровкович И.И.* Воспоминания о почившем в Бозе архиепископе Никаноре родного брата его // Прибавления к Церковным ведомостям. 1891. № 8. С. 257. Отец владыки Никанора скончался 11 января 1847 года. Намерение сына не изменилось, и он упросил мать благословить его на монашество. Та согласилась. Позже матушка сопровождала владыку Никанора во многих местах служения. Во время пребывания его на Уфимской кафедре она жила в архиерейском доме в специально отведенной комнатке. Умерла матушка в глубокой старости 31 августа 1884 года, ей было тогда более 80 лет.

⁴¹ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Т. I. С. 128.

К этому владыка Никанор добавляет и следующее: «Шли оттого, что все свое эстетическое развитие почерпнули из церкви, из ее песней, молитв, Евангелия. <...> А когда современное поколение воспитывается на кое-каких театрах, или на «*Что делать*» — Чернышевского, то как же из него выйдут монахи? <...> Для современных судей монашества пострижение в монашество — насилие и низость, лицемерие и подлость, — как же иначе? Для кривых глаз все криво. Шли в монашество потому, что <...> верили в подлинный святой смысл слов: «миссия» <...>, «служение Церкви», «служение Богу», принесение себя в жертву ради Бога, ради Церкви. <...> Но ужели не было расчетов честолюбия? Ужели не манила архиерейская шапка? Не манила. Могу смело сказать, что считали грехом и думать об этом. А некоторых — да, честолюбие манило, но честолюбие другого, совсем уже высшего рода — быть тружениками, быть безраздельными работниками Церкви, не говорю, — быть подвижниками...»⁴². Именно это стремление быть безраздельным работником Церкви, служить Богу, жертвовать собой, привело Александра Бровковича к принятию монашества.

Нельзя не привести суждение владыки Никанора об ученом монашестве, сформировавшееся спустя более 30 лет после пострига: «Думается, что ученые монахи нашего времени под широкими покровами своих клобуков и ряс скрывают в себе подчас самых глубоких носителей того, что называется мировой скорбью, — носителей скорби нашей эпохи и нашего народа среди величайшего кризиса идей, какой теперь переживается на Руси»⁴³. Эта скорбь и вынуждала владыку Никанора идти на борьбу с этим кризисом, бороться со все больше захлестывающим Россию неверием. Эта скорбь и желание быть безраздельным работником Церкви, желание послужить православию дарованными от Бога талантами привели будущего владыку Никанора к служению на поприще науки и православного просвещения. И именно потому по окончании академии в 1851 году о. Никанора оставляют, по благословению ректора еп. Макария (Булгакова), для преподавания предметов «Обличительное богословие» и «Введение в догматическое богословие».

О своей манере преподавания в Петербургской духовной академии владыка Никанор вспоминал следующее: «Я готовил довольно обстоятельный конспект. Пред лекцией тщательно проглядывал его. Приносил в класс бремя нужных книг-источников и говорил наизусть, стоя около кафедры, редко ходя по аудитории, еще реже садясь на кафедру. Показывал студентам тут же все источники. Часто обращался к студентам с вопросами. Вообще, вел себя в классе,

---

⁴²Там же. С. 129–131.

⁴³Там же. С. 173.

подражая отчасти только методу Дмитрия Ивановича Ростиславова, который беспрерывно совопросничал со студентами. При тогдашней моей самоуверенности, я был господин и предмета и внимания студентов. Начиная со второй моей лекции, мне приходилось говорить так, что студенты бывали в восторге под моим впечатлением»⁴⁴.

Характер преподаваемых дисциплин позволил молодому монаху подойти к ним творчески. На занятиях со студентами о. Никанор критически рассматривал идеи, распространенные в среде русской интеллигенции 1850-х годов. В первую очередь это касалось немецкой классической философии, а позже — и позитивизма, на почве которого выросли материалистическо-атеистические и нигилистическо-революционные идеи, которые получили наибольшее распространение в 1860–70-х годах.

«Увлечение» нового преподавателя-монаха модной светской философией не прошло мимо внимания руководства. Причем в восприятии владыки Макария о. Никанор оказался распространителем, а не критиком идей неверия. В Санкт-Петербургской духовной академии в рамках курса «Введение в православное богословие» бакалавр о. Никанор рассматривал критику доказательств бытия Божия И. Канта. Ректору академии владыке Макарию, видному богослову и церковному деятелю, было доложено, что о. Никанор занимался опровержением доказательства бытия Божия. Это привело к разбирательству, о котором позже владыка Никанор писал: «Он <ректор епископ Макарий> не растер меня в порошок потому, что это сделать нельзя было; но готов был отбросить меня с отвращением, как мерзкого червя. — «Что вы там такое?... Опровержением доказательств бытия Божия занимаетесь»?! <...> Что же вы такое критикуете?!... Мое сочинение, которое признано всеми, как образцовое, до которого вам не дорасти никогда. <...> Моська лает на слона! Тьфу»⁴⁵.

Замысел же молодого преподавателя — иеромонаха Никанора — заключался в том, чтобы, изложив обстоятельно кантовскую критику, показать ее односторонность и предвзятость. Затем в лекциях предполагалось следовать книге епископа Макария «Введение в православное богословие»⁴⁶, которая была основной по соответствующему предмету. Предмет же этот читал о. Никанор по поручению самого ректора. Именно потому рассмотрение критики доказательства бытия Божия было воспринято ректором как личное оскорбление со стороны молодого преподавателя.

---

⁴⁴Никанор (Бровкович), архиеп. Биографические материалы. Т. I. С. 254.

⁴⁵Там же. С. 260.

⁴⁶В 1847 году именно за эту работу о. Макарию (Булгакову) была присвоена ученая степень доктора богословия.

В конечном счете, владыка Макарий сообщил бакалавру Никанору: «Я сказал Владыке⁴⁷ прямо, что вы не православны. Владыка и говорит: так удалить его, или послать в Новгородскую семинарию в инспекторы. А я сказал, что он даровит, и я беру на свои руки. Владыка согласился. Смотрите же, о. Никанор, помните, что я взял вас на свои руки»⁴⁸. Это поручительство и показанная монахом благонадежность приводят к тому, что в 1856 году о. Никанор переводится с должности преподавателя академии на должность ректора Рижской семинарии с возведением в сан архимандрита. Причем сам владыка Никанор писал: «В назначении меня <...> в Ригу <...> преосвященный Макарий не повинен»⁴⁹.

Справедливости ради следует отметить, что и сам владыка Макарий позже признал свою запальчивость в вопросе о «неправославности» его подопечного. Интересно и то, что уже после кончины владыки Макария архиеп. Никанор вспоминал о ректоре, как о преподавателе следующее: «...Макарий никогда на кафедре не садился, а говорил, ходя по классу, только о том, что им написано и напечатано, короче и хуже, чем в печати, но ясно и просто. Мы его понимали. Иногда давал студентам вопросы и возражения, правда, редко. Оживлялся только, когда полемизировал, например, разбирая учение об исхождении Св<ятого> Духа. Вообще, вялый был преподаватель»⁵⁰. С другой стороны, архиеп. Никанор, несмотря ни на что, почитал и поминал своего наставника, хотя и понимал, и указывал недостатки митр. Макария как ученого и преподавателя.

Если же говорить о научных результатах трудов будущего владыки Никанора в годы преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии, то следует отметить его труды по сбору и описанию раскольничьих рукописей для её библиотеки. По сути, именно владыка Никанор оказался основателем собрания старообрядческих рукописей этой библиотеки. Также в этот период было подготовлено сочинение «Разбор римского учения о видимом главенстве в Церкви» (1856–1858) (закончено в Риге), за переработку которого спустя 11 лет он получает степень доктора богословия уже в Казанской духовной академии.

---

⁴⁷ Митрополиту Никанору (Клементьевскому; 1787–1856), митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому с 1848 года.

⁴⁸ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Т. I. С. 264.

⁴⁹ Там же. С. 267.

⁵⁰ Там же. С. 255.

6. Мнения архиепископа Никанора об академии и ее преподавателях в 1858–1887 гг.

Дальнейшее отношение архимандрита, а затем епископа и архиепископа Никанора к Петербургской духовной академии оставалось неизменным — годы учебы и преподавания в академии он называл одними из лучших в жизни. Однако мнения о самой академии и о ее наставниках разнятся — в зависимости от того, кто был ректором, кого из наставников архиерей-философ заставлял в самой alma mater. Сведения, да и просто слухи, об академии архиеп. Никанор получал неукоснительно от одного из самых близких своих друзей-однокашников по академическому классу — Иллариона Алексеевича Чистовича — ставшего преподавателем академии и ее историком.

Так, скорее всего, именно через Чистовича, у которого архим. Никанор жил несколько дней зимой 1858 года, по пути из Рижской семинарии на ректорство в Саратовскую, были почерпнуты сведения о новом ректоре академии, архим. Феофане (Говорове), в будущем — епископе, духовном писателе и подвижнике, прославленном святителе. Но это в будущем, а в 1858 году архим. Феофан оказался, по мнению академистов, несостоятельным администратором и преподавателем: «Ректор Академии Феофан не ценим никем. Митрополит (Григорий (Постников) — А.С.) к нему холоден. Светское начальство больше, чем холодно. Митрополит недавно сказал о нем в Синоде, что его пора в архиереи, — на это Василий Борисыч (Бажанов, прот., член Синода, царский духовник — А.С.) возразил: «за что? за какие заслуги? за то, что отказался от профессорской кафедры?» Профессоры в классах и на экзаменах поднимают его на смех»⁵¹. О службе в академической церкви и о посещении ректора архим. Никанор вспоминал: «Дисциплина опущена до того, что за утренней не было даже одного монаха-бакалавра. А в нашу-то пору! Мы трепетали как мальчишки. Отец Феофан, — это меня изумило, — в церкви облобызался со мною весьма величественно; в квартире, когда я сделал ему тотчас после утрени посещение, вел себя в том же духе — сухо, чопорно. <...> Эге, — думаю себе, — тут Макарьевского осталось только выпрямливание спин пред лицами, которых считают ниже себя по положению»⁵².

Это не слишком благоприятное впечатление 1858 года еще более омрачилось в дальнейшем — не столько из-за самой академии, сколько из-за того, что в 1864–1865 гг. архим. Никанор оказался под надзором, снят с ректорства в Са-

---

⁵¹Никанор (Бровкович), архиеп. Биографические матерьялы. Т. I. С. 287.

⁵²Там же. С. 288.

ратовской семинарии и вызван на «череду служения» в Лавру. Причиной этого была публикация его библиографического труда по обзору старообрядческих рукописей. Автор был обвинен в сочувствии раскольникам и в распространении идей раскола. Это было крайне мрачное время для владыки Никанора, который не оставил ни одного воспоминания непосредственно об этом периоде, когда будучи постоянно в Лавре он очень часто общался с преподавателями академии.

Светлая нота появляется в воспоминаниях владыки Никанора, относящихся к году его епископской хиротонии. В конце июня 1871 года он прибыл в Петербург, где произошло его наречение, а затем и рукоположение во епископа Аксайского, Донского викария. В этот раз приезд нареченного епископа пришелся на ректорство в академии прот. Иоанна Янышева, с которым у владыки Никанора были хорошие отношения. О. Иоанн был лучшим выпускником XVIII курса академии (1849 г.), тогда как архиеп. Никанор — лучшим выпускником следующего курса (выпуск 1851 г.). в годы учебы они общались, хотя в близком приятельстве и не были.

Встречу с о. Иоанном архиеп. Никанор описывает следующим образом: «На другой по наречении день, именно в четверг, 1-го июля, случайно встретил я, на Лаврском дворе... И.Л. Янышева, которого предполагал отсутствующим. Вечером часам к шести я пошел в Академию сделать ему визит. <...> О[тец]<...> ректор был уже в церкви, куда и я пошел. В церкви кое-что постарело, кое-что переменилось. Ректор сам стоял и пел со студентами на клиросе. Служба Божия идет прекрасно, чтение разумное, пение стройное... К концу всенощной я поспешил сделать поклонение и инспектору Академии Кириллу Ивановичу Лучинскому⁵³, моему бывшему наставнику. Но только лишь разговорился с ним, сюда вошел и о. ректор. Хозяин усадил нас за чайный стол и потекла беседа самая оживленная. <...> Тут, между прочим, о. ректор Академии предложил мне, или точнее, довольно настойчиво попросил напечатать мою речь при наречении во епископа в «Христианском чтении», что, конечно, я принял не без удовольствия...»⁵⁴.

На следующий день владыка Никанор занес свою речь о. Иоанну, заметив при этом, что речь тенденциозна, написана с «монахо-фильским» уклоном. Владыка отметил, что это может быть неудобно для о. Иоанна как представителя

---

⁵³ Ошибка памяти архиеп. Никанора — неправильно указана фамилия. Речь идет о К.И. Лучинском, который преподавал словесность в академии и был в 1871 году инспектором.

⁵⁴ *Никанор (Бровкович), архиеп. Моя хиротония // Русский архив. 1908. № 2. С. 205.*

белого духовенства и, одновременно, ректора академии и редактора академического журнала. На это о. Иоанн возразил, что это не имеет значения и никак его не стесняет. Общее же впечатление владыки Никанора от академии, хотя написано в светлых тонах, завершается грустным лирическо-философским выводом: «Родная наша Академия произвела странное, скажу более, в некоторых отношениях даже грустное впечатление. <...> ...Входя в залу, ищу св. икону, чтобы перекрестить свой лоб, увы! на месте, где глаза прежде привыкли видеть св. икону, вижу трюмо от потолка до полу... а вместо того на стенах прекрасные картины вакханок, бьющих в бубен цыганок, на окнах занавеси, на дверях драпи, вместо старинной, суровато-монашеской простоты. <...> Вот, поистине, тут шевельнулось во мне чутье, одно из тех, которые привык я считать за вещи: умирает прежний принцип...»⁵⁵.

Но спустя шестнадцать лет, в 1887 году, прибыв в Петербург для присутствия в Синоде и совершенно случайно встретив у Лавры нового ректора — своего ученика по Казанской духовной академии — епископа Антония (Вадковского), архиепископ Никанор писал о том, что академия обновляется⁵⁶. Но еще более важной была для владыки Никанора в этот приезд заочная встреча с еще одним своим учеником уже по Петербургской духовной академии — с прот. Иоанном Сергиевым, св. Иоанном Кронштадтским. Ведь именно бакалавр иеромонах Никанор (Бровкович) читал лекции по «противо-раскольничьему» направлению на курсе, где учился о. Иоанн. И именно под руководством о. Никанора студент Иоанн Сергиев писал свое выпускное сочинение.

И признаком того, что «прежний принцип» в академии, в Петербурге, в России еще не умер, оказывается для архиеп. Никанора о. Иоанн. В 1888 году владыка писал: «Поразительнейшее знамение времени — о. Иоанн Кронштадтский. Ведь его ждут принять везде, от подвалов до раззолоченных палат. <...> Его молитвенной помощи ждут и просят не только во всех концах России, но и за границею. И молитвенная помощь его, всегда с его стороны простая, ничего чудесно прямо не обещающая, бывает иногда поразительно-чудесною. Истинно-поразительна, даже чудесна сама вера в о. Иоанна Кронштадтского всех словий Петербурга, да и всех концов России. А такой простой, безыскусственный человек, но истинно-верующий в действительность силы Божией, и в наши

---

⁵⁵ Там же. С. 206–207.

⁵⁶ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Всероссийском Синоде //Русский архив. 1906. № 8. С. 505–506.

дни священник. «Чудотворна та икона, — выразился глубоко-мудрый первосвященитель Российской Церкви, 90-летний старец⁵⁷, — которая сильна возбудить веру в свою чудотворность». Силу этого глубокомысленного изречения можно применить и к о. Иоанну Кронштадтскому. Да, чудотворец он уже по тому самому, что возбудил крепкую веру в чудотворную силу Божию, содеевающуюся в человеческой немощи и в наши неверные дни»⁵⁸. И эти слова, сказанные архиереем-философом — выпускником и преподавателем академии — о выпускнике той же академии и подвижнике, оказываются для неё указанием на подлинный смысл ее существования вне зависимости от той или иной эпохи.

Источники и литература

1. Архивный фонд архиепископа Никанора (Бровковича). Государственный архив Одесской области. Ф. 196. Оп. 1. Д. 51. 456 л.
2. *Бровкович И.И.* Воспоминания о почившем в Бозе архиепископе Никаноре родного брата его // Прибавления к Церковным ведомостям. 1891. № 8. С. 257–258.
3. *Гаврюшин Н.К.* Русское богословие. Очерки и портреты. Н. Новгород, 2011. 672 с.
4. *Глубоковский Н.Н.* Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, бывший ректор (1847–1850 гг.) С.-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 1909. № 10. С. 1332–1351.
5. *Карпов В.Н.* Введение в философию. СПб., 1840. 135 с.
6. *Карпов В.Н.* Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. 1868. Т. 2. С. 189–229.
7. *Надеждин А.Н.* История Санкт-Петербургской духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб., 1885. VI+660 с.
8. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа по возвращении к пастве // Прибавление к Церковным ведомостям. 1888. № 27. С. 721–727.

---

⁵⁷Имеется в виду высокопреосвященнейший Исидор (Никольский; 1799–1892), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего Синода.

⁵⁸*Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа по возвращении к пастве // Прибавление к Церковным ведомостям. 1888. № 27. С. 725–726.

9. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические матерьялы. Одесса, 1900. Т. I. 410 с.
10. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Всероссийском Синоде //Русский архив. № 8. 1906. С. 497–519.
11. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Киевский собор 1884 года // Воспоминания архиеп. Никанора. М., 1908. С. 28–102.
12. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Моя хиротония //Русский архив. № 2. 1908. С. 145–248.
13. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1875. Т. I. IV+II+461 с.
14. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1876. Т. II. XIII+401+II с.
15. *Никольский А.А.* Философские воззрения Преосвященного Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского // Вера и разум. 1901. № 16. С. 105–131.
16. *Ростиславов Д.И.* Начальная алгебра. М., 1868. 504 с.
17. *Фишер А.А.* Взгляд на психологическую теорию чувственного восприятия. СПб., 1840. 39 с.